

Записка с номером 216

Моему старому фортепиано «Тюмень» почти 60 лет. Дети настаивают: выбрасывай! Никто не одобряет моей привязанности к старому пианино. Для меня же оно – верный друг, с которым прожита жизнь...

Мне еще не было шести лет, когда в недавно открывшемся хореографическом училище при театре оперы и балета начался набор. Будущих балерин педагоги отбирали в детских садах. Им понравились мои мягкие кости, и я оказалась в училище, но ненадолго: родители испугались за мое здоровье и забрали домой. Вскоре меня отдали в балетную студию. Хореограф (бывшая балерина Мариинки) стала по совместительству моим первым учителем музыки. Мы занимались в ДК, в балетном классе. Я обожала Юлию Ивановну и во всем ей подражала. Она курила папиросы и красила губы ярко-красной помадой, я в отсутствие родителей вставляла перед зеркалом, густо мазала маминой помадой губы и подносила ко рту карандаш (вместо папиросы), изогнув кисть руки, как это делала Юлия Ивановна. В перерывах между занятиями она садилась за пианино и начинала играть. Когда ее руки бегали по клавишам, я цепенела от счастья и лишалась рассудка. Мне казалось, что умру, если не научусь играть так же. Для этого нужен был инструмент, а купить пианино было не так-то просто. Оно стоило как пять маминых зарплат. Но главная проблема заключалась в том, что в магазин инструменты поступали редко. Нужно было вставать в очередь и отмечаться раз в

три дня, почему-то – ранним утром. Списки вели сами покупатели. Мама дала согласие на покупку пианино с условием, что я сама буду ходить отмечаться.

Забудь это невозможно. Сибирь. Зима. Мороз около сорока. Шесть утра. Я, первоклассница, стою в крошечной тьме – жду, когда выкрикнут мою фамилию, и называю свой номер. После переключки записывают новый номер: кто не явился, того вычеркивают. Самый первый мой номер был 216. К весне я продвинулась близко-близко, и в мае здоровенные дяденьки прикатили в наш дом огромный ящик.

Вскоре Юлия Ивановна уехала из нашего города. Мама отправила меня к ней с подарком – коробочкой дефицитных духов. Долго-долго сидела я на скамейке, рыдая и комкая коробку, а когда позвонила в дверь, не смогла сказать на прощание ни слова, даже глаз заплаканных на учительницу не подняла. Сунула мятую коробку балерине и убежала.

Настраивать пианино приходил раз в год скрипач из оркестра театра оперы и балета. Заканчивая работу, он оставлял инициалы на обратной стороне клавиш, а затем садился играть. Его маленькие пальчики скакали по клавиатуре, как воробышки. Конечно же, этого музыканта давно нет на свете, но его автографы «AS» живут под белыми косточками моего пианино.

Я поступила в музыкальную школу. Новая учительница весь урок отбивала ритм на моем плече, втыкая свой указательный палец между косточками, – боль нестерпимая. Мой пыл к музыке поостыл, но пианино я любила: приятно помурлыкать, сидя за инструментом, любимые песни.

Когда мы с мужем переехали в Ульяновск, мама отправила сюда контейнером и мой «Тюмень». В музыкальную школу пошел сын, а я все реже открывала заветную крышку пианино. Сын поступил в музыкальное училище, а потом и в РАМ им. Гнесиных. Меня часто спрашивали: от кого он унаследовал музыкальные способности? Увы, не от меня.

Тут хочу сделать небольшое отступление.

В 1932 году в доме моего деда появилась гармонь. Она была куплена на большой Забайкальской ярмарке в селе Ганзурино, неподалеку от

Кяхтинского тракта. Но еще до этого дед купил там же граммофон и пластинки с оперными ариями, которые исполняли Федор Шаляпин, Леонид Собинов, Михаил Бочаров и другие музыканты. Откуда у деда взялась тяга к классической музыке, не знаю. Зимними вечерами он часто заводил граммофон, и дом наполнялся волшебными голосами. Возможно, поэтому шестилетний Гошка (мой отец), взяв в руки новенькую гармонь, начал петь то, что запомнил с грампластинок, аккомпанируя себе по слуху. А слух у него был отменный.

↑ Гоша с гармошкой. 1932

Ушел в мир иной мой поющий отец... Дети вылетели из гнезда, и я не сажусь за инструмент. Как-то, натирая своего любимца полиролью, подумала: «Подарю его юному таланту». Напечатала объявление: «Отдам в хорошие руки черное пианино «Тюмень», которое приносит удачу». Отнесла в ближайшую музыкальную школу и повесила на доске объявлений. Звонки были: пять или шесть. Я рекламировала пианино, не жалея эмоций: «Никаких повреждений, настройка держится крепко. Поступит ваш ребенок в консерваторию и станет Денисом Мацуевым: великий пианист, между прочим, выучился на фортепиано «Тюмень»!» Но никто так и не забрал моего старичка...

Стоит мне пообещать очередной раз детям, что пушу инструмент на дрова, как в памяти всплывает картина: Сибирь, зима, трескучий мороз, варежка из овечьей шерсти, а в ней – записка с номером 216.

Ольга Шейпак